

A man in a dark coat stands with his back to the camera on a wet, reflective street at night. The street is lined with buildings and streetlights, creating a moody atmosphere. The ground is wet and reflects the lights, and there are puddles. The sky is dark and overcast. The overall scene is a classic urban night setting.

Анатолий Шигапов

Заступник 2.0.

Анатолий Шигапов

Заступник 2.0.

«Автор»

2026

Шигапов А.

Заступник 2.0. / А. Шигапов — «Автор», 2026

«Те, кто вам должен, никогда не платят. Те, кого вы спасаете, часто предают. А враг всегда на шаг впереди - потому что у него есть деньги и власть». Молодой адвокат Зарецкий, ученик знаменитого Плевако, пытается построить практику в захолустном Грандалинке. Он не берёт денег с бедных, ведёт безнадежные дела - и выигрывает их. Но его успех становится угрозой для теневого хозяина города. Против Зарецкого работает вся система: подкупленные судьи, продажная полиция и армия осведомителей. Чтобы выжить, адвокату придется пойти ва-банк: баллотироваться в городскую думу против самого Тетерина. Но когда враги начинают угрожать его сестре, а единственный свидетель исчезает при загадочных обстоятельствах, Зарецкий понимает: это война. И победа в ней измеряется не выигранными делами, а количеством поднятых с колен людей. Роман в лучших традициях русской классики: Островский, Достоевский и крутой детектив в одном флаконе.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Заступник 2.0.

Предисловие ко второй книге

Когда я заканчивал первую книгу, я думал, что написал историю о становлении. О том, как молодой человек с дипломом и горячим сердцем превращается в профессионала, который умеет отличать факты от эмоций, чернила от слёз, а гордыню - от истинного сострадания. Мне казалось, что в этом и есть главная драма. Что «вырасти» - значит научиться побеждать в суде, находить нужные слова, не ломаться под давлением обстоятельств.

Я ошибался.

Первая книга закончилась тем, что Зарецкий покинул Москву. Он уехал в Грандалинск - маленький, глухой, забытый Богом и людьми уездный город, - потому что понял: помогать по одному недостаточно. Пока он спасал одного клиента, система, которую он не видел целиком, уничтожала десятки. Пока он учился быть адвокатом, кто-то строил империю на страхе и бесправии. И он решил: хватит лечить раны. Пора убирать заразу.

Эта книга - о том, что происходит с человеком, который принимает такое решение.

Вторая книга писалась тяжелее первой. Не потому, что закончились сюжеты или ослабел интерес к герою. А потому, что я сам, как автор, столкнулся с вопросом, который мучает Зарецкого на каждой странице: а что, если правда не побеждает? Что, если самый честный, самый талантливый, самый преданный делу человек проигрывает - не потому, что он слаб, а потому, что мир устроен несправедливо? Что, если сила и деньги перевешивают любые аргументы?

Эти вопросы преследовали меня всё время, пока я писал. Иногда я останавливался посреди главы, откладывал перо и смотрел в окно. За окном был обычный, современный город, но он был так похож на Грандалинск из книги. Те же чиновники, которые принимают решения, не глядя на людей. Те же судьи, которые знают исход заседания до его начала. Те же приставы, которые «теряют» протоколы. Те же нотариусы, которые заверяют подложные купчие, а потом переезжают в более престижные районы. Те же люди, которые боятся говорить правду, потому что стены имеют уши, а уши эти принадлежат тем, кто может всё отнять.

Я понял, что пишу не исторический роман. Я пишу книгу о сегодняшнем дне - просто действие перенесено в 1880-е годы, потому что так проще увидеть суть, не отвлекаясь на сиюминутные политические страсти. Коррупция, бесправие, кумовство, страх - всё это было тогда. Всё это есть сейчас. И ничего не меняется до тех пор, пока находятся люди, которые готовы молчать и терпеть.

Зарецкий - человек, который отказывается молчать. И в этом его сила. И в этом его обречённость.

Когда я дал читать черновик второй книги одному своему знакомому адвокату, он сказал: «Слишком оптимистично. В жизни всё гораздо хуже. Тетерин не проиграет. И Зарецкий не выиграет. Он либо сломается, либо погибнет, либо сам станет таким же». Я спорил. Доказывал, что в моей книге - другой сценарий. Что Зарецкий не один, что за ним идут люди, что правда рано или поздно побеждает. Адвокат смотрел на меня с жалостью: «Вы верите в сказки».

Я не знаю, верит ли Зарецкий в сказки. Думаю, нет. Он слишком много видел, слишком многих потерял, слишком часто сталкивался с предательством и равнодушием. Но он верит в то, что должен идти дальше. Что нельзя остановиться. Что если остановиться сейчас - всё, что было до этого, потеряет смысл. И эта вера, лишённая иллюзий, наверное, сильнее любой сказки.

В этой книге много поражений. Зарецкий проигрывает дело за делом - не потому, что плохо готовится, а потому, что судьи уже куплены, свидетели запуганы, документы исчезли. Он

проигрывает, но встаёт. И каждый раз, когда он встаёт, к нему присоединяются новые люди. Мельник, у которого отнимают ручей. Вдова, которую выселяют из дома, где она прожила сорок лет. Солдатка, муж которой погиб на Кавказе, а пенсию «потеряли» в канцелярии. Они не герои. Они обычные люди, которые просто устали бояться.

Я думаю, это и есть главная тема второй книги. Не победа. Не поражение. А само движение. Способность не сдаваться, даже когда всё против тебя. Способность вставать после удара. Способность вести за собой других, даже когда сам не уверен, что выживешь.

Тетерин в этой книге - не просто злодей. Он - функция. Он - воплощение системы, которая перемалывает людей, не делая различий между виновными и невиновными. Он может быть добрым к своим детям, заботливым мужем, щедрым благотворителем. Это не важно. Важно то, что он делает с чужими жизнями: отнимает дома, лавки, земли, свободу, иногда - жизнь. И делает это не потому, что он монстр, а потому, что может. Потому что закон на его стороне. Потому что страх работает на него. Потому что никто не говорит «нет».

Зарецкий говорит «нет». И в этом его трагедия и его величие.

Когда я писал сцены обыска в конторе Зарецкого, я думал о том, как часто в нашей реальной жизни люди сталкиваются с тем, что «закон» оказывается дубиной в руках сильного. Как часто «проверки», «санкции», «мероприятия» - это просто способ надавить, запугать, заставить замолчать. Я не хотел делать из этого политический манифест. Я хотел показать, что чувствует человек, когда в его дом врываются люди в форме и переворачивают всё вверх дном, не объясняя причин. Когда они уходят, оставляя после себя разгром и чувство полной беспомощности. И когда оказывается, что жаловаться некуда, потому что те, кто должен защищать, - те же самые люди.

Но в книге есть и свет. Свет - это люди, которые приходят к Зарецкому, несмотря на угрозы. Это те, кто верит ему, даже когда сплетни поливают его грязью. Это те, кто идёт за ним к зданию думы, не зная, чем это кончится. Свет - это не надежда на победу. Свет - это само существование такого человека, как Зарецкий. Потому что пока есть кто-то, кто не боится, - у всех остальных есть шанс тоже перестать бояться.

Одна из самых сложных сцен для меня - разговор Зарецкого с Пелагеей Васильевной, у которой отнимают дом. Он должен сказать ей: «Я не могу вам помочь». И она принимает это. Не плачет, не кричит, не обвиняет. Она говорит: «Вы пытались. Больше, чем кто-либо другой. Этого мне достаточно». И в этот момент я понял, что Зарецкий не просто адвокат. Он - заступник. Человек, который не обещает чудес, но готов сражаться до конца. И для Пелагеи Васильевны сам факт того, что кто-то за неё сражался, уже ценность.

В первой книге Зарецкий учился быть адвокатом. Во второй он учится быть человеком, за которым идут другие. Это не так героично, как кажется. Это страшно. Тяжело. Иногда - невыносимо. Ты отвечаешь не только за себя, но и за них. За каждого, кто поверил. За каждую семью, которая поставила на тебя. И если ты проиграешь - проиграют они все.

Я не знаю, победит ли Зарецкий в третьей книге. Я ещё сам не решил. Я пишу эти строки в тот момент, когда работа над финалом только начинается. Мой герой подал документы в думу, за ним идёт толпа, враг готовит ответный удар. Что будет дальше - вопрос не только сюжета, но и моей собственной веры в то, что правда может победить силу. Может ли? Должна ли? Или это только красивые слова для тех, кто не видел, как умирают хорошие люди, а плохие продолжают править?

Я не знаю ответа. Но я знаю, что пока я пишу - Зарецкий жив. Он борется. Он не сдаётся. И это, наверное, самое главное.

Читатель, который взял в руки эту книгу, наверное, ждёт от неё того же, что и от первой: захватывающих судебных драм, остроумных речей, неожиданных поворотов. Я должен предупредить: вторая книга - другая. Здесь меньше судов и больше улиц. Здесь меньше побед и больше поражений. Здесь герой не всегда знает, что делать. Иногда он просто сидит в своей

конторе, смотрит на огонь свечи и чувствует, что мир рушится. И в эти моменты он не герой. Он просто человек, который взял на себя слишком много. И это, наверное, самое честное, что я могу о нём сказать.

Но если вы дочитали первую книгу до конца - вы, наверное, уже полюбили Зарецкого. Полюбили его упрямство, его веру в справедливость, его способность ошибаться и вставать. Во второй книге он ошибается чаще. Он проигрывает чаще. Но он всё так же встаёт. И если это не вызывает уважения - я не знаю, что может его вызвать.

Приятного (хотя слово «приятного» здесь, наверное, не совсем уместно) чтения.

Анатолий Шигапов

Глава 1. Чужой

Грандалинск был городом двух половин. Центр - Соборная площадь, каменные дома, фонари, чисто выметенные тротуары, городские на каждом углу. Там стояло здание городской думы с колоннами и лепниной, там же - окружной суд, губернское правление, нотариальные конторы, лучшие адвокаты города. Там жил тот, кого здесь не называли по имени.

Окраины - Восточная, Западная, Южная слободы - были другим миром. Деревянные дома в три окна, покосившиеся заборы, грязь на улицах даже в сухую погоду, редкие фонари, которые не зажигали по ночам, потому что не на что было покупать керосин. Здесь жили рабочие суконной фабрики, мелкие лавочники, вдовы, солдатки, отставные солдаты, нищие. Здесь никто не держал вывесок, потому что вывеска - это налог. Здесь люди боялись говорить громко, потому что стены имели уши. Уши, которые принадлежали одному человеку.

Зарецкий выбрал Восточную слободу.

В центре ему было не место. В центре адвокаты были на жалованье у тех, кто правил городом, - и он не собирался становиться одним из них. А на окраинах не было ни одного адвоката. Ни одного человека с дипломом, который мог бы написать жалобу, разобрать бумаги, объяснить, что такое срок исковой давности и чем отличается доверенность от поручительства. Люди здесь судились редко - не потому, что не было поводов, а потому, что не к кому было идти. И если судились - проигрывали. Потому что у другой стороны были деньги, связи и адвокаты из центра.

Он снял комнату в доме вдовы Травиной - той самой, у которой квартировал с первого дня. Дом стоял на отшибе, у самого леса, окружённый чахлым садом. Вдова Травина, пожилая женщина с усталым, но добрым лицом и аккуратно уложенными седыми волосами, смотрела на него с тревогой.

- Александр Александрович, вы тут контору открываете? - спросила она, подавая чай.

- Открываю, Аграфена Ивановна.

- А кто к вам ходить-то будет? У нас народ бедный. Денег нет.

- Я буду бесплатно брать. За тех, у кого нет денег - бесплатно.

- Бесплатно... - она покачала головой. - А на что жить-то?

- На что-нибудь да найдётся. - Он улыбнулся. - Не пропаду.

Она вздохнула, но спорить не стала. Чужой человек, приезжий, - что с него взять? Сделает по-своему, обожётся и уедет обратно в Москву, к своему знаменитому Плевако. Так думали многие. Так говорили соседи, когда узнали, что на Восточном околотке открывается адвокатская контора. «Приезжий». «Московский выскочка». «Проживёт месяц-другой и уедет». «Нечего ему у нас делать».

Комнату, которую он отвёл под контору, вдове Травиной пришлось освободить от хлама: старый сундук, сломанный стул, груда тряпья, которую покойный муж собирал, но так и не использовал. Зарецкий сам вынес всё на помойку, вымыл пол, вымыл окна. Печку протопил, чтобы высушить стены. Стол поставил - простой, деревянный, крытый клеёнкой, купленный

за полтинник на толкучке. Два стула - один для него, второй для клиента. На стене - диплом в рамке и удостоверение помощника присяжного поверенного. Всё.

Вывески он делать не стал. Во-первых, денег не было - вывеска стоила три рубля, а у него после переезда оставалось восемнадцать с полтиной на всё про всё. Во-вторых, в Восточной слободе вывеска всё равно не привлекла бы клиентов. Люди здесь читали плохо, а грамотных среди них было немного. Сарафанное радио работало лучше любой вывески: кто кому помог, кто кому посоветовал, кого куда направили. Только нужно было, чтобы появился первый клиент. Первая победа. Первая история, которую будут пересказывать соседям.

Первые две недели в контору никто не пришёл.

Зарецкий сидел за столом, перебирал бумаги, которые привёз из Москвы: копии дел, выписки из законов, старые номера «Судебного вестника», несколько книг - Уложение о наказаниях, Судебные уставы, комментарии Таганцева. Иногда он выходил на крыльцо, стоял, курил (хотя бросил ещё в Москве, но здесь, от безделья, начал снова), смотрел на пустынную улицу.

Улица была грязной. Снег, выпавший в феврале, уже подтаял, превратившись в жидкую кашу. По краям дороги чернели ледяные корки, в которые вмерзли окурки, прошлогодние листья и собачий помёт. Дома стояли вплотную друг к другу, подпирая плечами, - деревянные, серые, с облупившейся краской. Кое-где окна были забиты фанерой - значит, жильцы съехали, не выдержав налогов или выселения. Кое-где - наоборот, горел свет, слышались голоса, детский плач, лай собак. Жизнь теплилась, но теплилась как-то уныло, без надежды.

Соседи косились на него. Дворник Игнат, мужик с окладистой бородой и вечно красным носом, проходя мимо, отворачивался. Лавочник с угла, Григорий Ефимович, мелкий торговец бакалеей, здоровался, но сухо - так здороваются с человеком, которого не хотят знать, но боятся обидеть. Женщины, выходявшие на крыльцо с вёдрами или коромыслами, кидали быстрые взгляды и тут же отводили глаза. Чужой. Приезжий. Адвокат - тоже чужой, потому что в Грандалинке адвокаты служили не людям, а деньгам. А у кого здесь есть деньги?

Он не унывал. Он помнил, как начинал у Плевако - тоже без жалованья, тоже в тесной каморке, тоже в неизвестности. Разница была только в том, что тогда над ним был учитель, который в любой момент мог подсказать, предостеречь, а иногда и прикрикнуть, чтобы не зарывался. Теперь он был сам по себе. И это было страшно. И это было правильно.

Однажды, в конце второй недели, он сидел в конторе при свече, разбирая бумаги по делу, которого ещё не было, - просто чтобы занять руки и голову. Вдруг дверь скрипнула. Он поднял голову.

На пороге стояла женщина.

О нём говорили.

Не вслух - шёпотом. На кухнях, в чайных, в очередях за керосином, на базаре, где старухи торговали солёными огурцами и вяленой рыбой. Языки работали быстрее, чем ноги - и через три дня после того, как Зарецкий повесил на стену диплом, весь Восточный околоток знал, что в доме вдовы Травиной поселился адвокат. Московский. Ученик того самого Плевако. Берёт бесплатно, говорят. А с чего бы это? Наверное, нечисто. А может, от наших? От того, кого не называют? Подослали?

- Я вам говорю, Марья Ивановна, - шептала толстая мещанка в платке своей соседке у колодца, - он из Москвы приехал. Из самой Москвы! Такие просто так не приезжают. Им там, в Москве, и без нас есть чем заняться.

- А может, он и правда помогать хочет? - робко возражала соседка.

- Помогать? Ха! - мещанка сплюнула. - Кто ж нынче бескорыстно помогает? Все за рубль. А этот - бесплатно. Вот я и говорю: нечисто.

- Оставьте вы её, - вмешалась третья, постарше. - Человек не хуже нас с вами. Приехал, работать хочет. Нашёл бы в центре место, если б корысть имел. А он вон к нам пошёл, на окраину. Значит, для нас старается.

- Для нас! - мешанка всплеснула руками. - А кто мы? Голь перекатная. Что с нас взять? Он не для нас старается - он против наших старается. Глаз свой московский привёз, чтобы высматривать, кому что не так.

Споры тянулись часами. Сходились и расходились, как волны. Кто-то уже готов был идти к нему с бедой, кто-то - пустить слух, что он вор. Истина была где-то посередине, но истина в Грандалинке никого не интересовала. Здесь интересовались страхом.

В чайной на углу Восточной и Сенной собирались по вечерам. Пили чай из блюдец, с прикуской - кто с сахаром, кто с баранками, кто просто так. Курили махорку. И говорили. О новом адвокате говорили чаще всего.

- А я слышал, - начал тощий мужчина в картузе, - что он у самого Плевако учился. Тот, говорят, любого мог оправдать. И убийцу, и вора. Даже раскольников оправдывал, хотя те веры не нашей.

- Ну и что? - хмыкнул другой, потолще. - Плевако - в Москве. А мы где? В Грандалинке. У нас свои законы.

- Законы одни для всех, - тихо заметил кто-то из угла.

- Одни для всех, да не для всех одинаково. Ты вот попробуй с нашим... - он не договорил, оглянулся и понизил голос до шёпота. - С нашим хозяином потягаться. Чем тебе Плевако поможет? Ничем. Потому что здесь не Москва. Здесь всё схвачено.

В чайной стало тихо. Каждый думал о своём. Каждый вспоминал - кого выселили, у кого лавку отняли, кого на фабрике расчётными обманули. И каждый знал, кто за этим стоит. Но вслух не произносили.

Зарецкий знал об этих разговорах. Ему передавали - кто из соседей, кто из лавочников, кто просто останавливал на улице и шептал: «Барин, вы осторожнее. У нас тут не любят чужих». Он кивал, благодарил и шёл дальше. Чужой. Да, он был чужим. Но он не собирался оставаться чужим навсегда.

Однажды, возвращаясь из центра, где он подавал очередное прошение о лицензии (ему всё ещё отказывали, находя всё новые формальные причины), он столкнулся на улице с молодым человеком. Тот стоял у забора, курил и смотрел на него в упор.

- Вы Зарецкий? - спросил молодой человек.

- Да.

- Адвокат?

- Адвокат.

Молодой человек выбросил папиросу, растоптал сапогом и протянул руку:

- Степан Петрович Комаров. Помощник присяжного поверенного, - он усмехнулся. - Местный.

Зарецкий пожал руку. Ладонь была холодная, сухая, пальцы длинные, как у пианиста. Комаров был молод - лет двадцати пяти, не больше, - но выглядел старше. В его лице, бледном, с мелкими морщинами у глаз, с опущенными уголками губ, читалась усталость. Та самая усталость, которая появляется у людей, давно сдавшихся, но продолжающих делать вид, что они всё ещё борются.

- Я слышал о вас, - сказал Комаров, оглядываясь. - Вы тот самый, из Москвы. Ученик Плевако.

- Был учеником, - поправил Зарецкий. - Теперь сам по себе.

- Сам по себе здесь не выживают, - усмехнулся Комаров. - Вы, наверное, ещё не поняли, куда попали. В Грандалинке всё решает один человек. Не называю имени - вы и так знаете.

Если он захочет, ваша контора закроется завтра. Если захочет - вы уедете отсюда на своём горбу. Если захочет - вы исчезнете, как исчезали другие.

- Зачем вы мне это говорите?

- Потому что я пытался. Тоже. Пять лет назад. Открыл контору в Западной слободе, думал помогать людям. Проиграл три дела подряд. Не потому, что плохо готовился - потому что судьи уже знали решение. Потому что свидетели боялись говорить. Потому что тот, кого не называют, сильнее закона. Я сдался. Теперь работаю на него. Веду его мелкие дела, получаю жалованье и молчу.

- И много у него дел?

- У него? - Комаров усмехнулся. - У него все дела. Весь город - его дело. Вы думаете, я не знаю, каково это - хотеть помогать и не мочь? Я знаю. Я каждую ночь не спал, когда начинал. Думал: вот завтра выиграю - и всё изменится. Не выиграл. Ни одного дела. Три проигрыша подряд - и меня вышвырнули из конторы, потому что платить за аренду было нечем. Я пошёл к нему. Поклонился. Сказал: возьмите, буду работать. Он взял. С тех пор я - его человек. И вы, если будете умны, тоже придёте. Рано или поздно. Потому что иначе - никак.

Зарецкий смотрел на него и думал. Комаров не был плохим человеком. Он был сломленным. Система, которая правила Грандалинском, перемалывала людей, и он был одним из тех, кого перемололо. Не убило, нет - оставило жить, но без воли, без надежды, без веры в то, что можно изменить хоть что-то.

- Спасибо за предупреждение, - сказал Зарецкий. - Но я не собираюсь сдаваться.

- Зря, - Комаров покачал головой. - Совсем зря.

Он развернулся и пошёл. Быстро, почти бегом, словно боялся, что их разговор кто-то увидит. Зарецкий смотрел ему вслед, пока фигура не скрылась за поворотом. Потом достал тетрадь - ту самую, московскую, с записями уроков, - и записал:

«Грандалинск. Месяц первый. Встретил местного адвоката Комарова. Пытался, проиграл, сдался. Теперь работает на Тетерина. Предупреждает меня. В его глазах - усталость и пустота. Страх здесь - главная валюта. Он делает людей рабами».

Он закрыл тетрадь, спрятал в карман и пошёл домой. В контору. Ждать. Потому что другого выхода не было.

Он появился на третьей неделе.

Это был вечер, начало марта. Снег почти стаял, улицы превратились в реки жидкой грязи, и ходить по ним было мукой - сапоги вязли по щиколотку, а отмывать их приходилось каждый раз по возвращении домой. Зарецкий сидел в конторе при свече, перечитывал «Судебные уставы» - уже в сотый раз, наверное, - когда в дверь постучали.

Стук был не громким, но настойчивым. Короткая серия - три удара, пауза, ещё три. Так стучат люди, которые боятся, что им не откроют. Зарецкий встал, подошёл к двери, отодвинул засов.

На пороге стоял старик.

Он был невысоким, сутулым, в драном тулупе, подпоясанном верёвкой, и заячьем треухе, сдвинутом на затылок. Лицо его было покрыто сетью мелких морщин, нос - красным, распухшим, как у всех, кто много лет работает на улице в любую погоду. Глаза - маленькие, блёклые, но живые. В них читалась тревога, но не та тревога, которая бывает у человека, попавшего в беду в первый раз, а та, которая бывает у человека, привыкшего к беде, но всё ещё способного бояться.

Зарецкий узнал его не сразу. Только через несколько секунд, когда старик шагнул в полосу света, он понял: это же Фома. Тот самый Фома, старьёвщик с Восточного околотка, который помогал ему в Москве. Который знал всех и вся. Который одолжил ему сто рублей, когда у Зарецкого не было денег на свидетеля Герасима. Который пришёл проводить его на вокзал, сунул в карман сухари и рубль.

- Фома? - Зарецкий шагнул навстречу. - Ты как здесь?

- Здравствуйте, барин, - старьёвщик переступил порог, оглянулся на улицу, словно боялся погони. - Я, барин, теперь здесь живу. Перебрался. В Москве оставаться не мог.

- Что случилось?

- Долго рассказывать. - Фома снял треух, провёл пятернёй по редким седым волосам. - Вы, барин, не знали, а после вашего отъезда... после того, как я вам деньги дал... Тетерин - тот самый, что в Москве? - узнал, что я вам помогал. На меня донесли. Полиция стала ходить, проверять. Сказали: или сворачивай лавку, или посадим за скупку краденого. Я и свернул. Продал, что мог, остальное бросил. И сюда, в Грандалинск. Думал, здесь отдохну, тишина...

- И что?

- А здесь, барин, то же самое. - Фома горько усмехнулся. - Только хуже. Здесь этот, как его... - он понизил голос до шёпота. - Тетерин. Тот самый. Из Москвы. Я не знал, что он отсюда родом. Только приехал, устроился - и вдруг полиция снова. Говорят: ты, Фома, известный человек, в Москве нехорошие дела имел. Мы за тобой присматриваем. И вчера...

- Что вчера?

- Вчера меня обвинили в краже, барин. - Фома полез за пазуху и вытащил сложенный вчетверо лист бумаги. - Вот, повестка в суд. Нашли у меня в лавке вещь - серебряную табакерку. Говорят, краденая. А я её честно купил. У одного парня, он часто ко мне ходил, приносил что придётся. Я ему - рубль, он мне - табакерку. И всё. А теперь - кража. Суд через три дня.

Зарецкий взял повестку, развернул. Всё было оформлено по форме - гербовая бумага, печать, подпись судебного пристава. Основание обвинения: «хранение заведомо краденого имущества».

- А парень тот где?

- Исчез, барин. Как сквозь землю провалился. Я его искал, по всему околотку - нигде нет. Говорят, его в полицию забрали. А может, и того хуже.

- Документы у тебя есть? Расписка, что купил?

- Есть, барин. - Фома снова полез за пазуху и вытащил смятый, засаленный клочок бумаги. - Вот. Только полиция говорит, что расписка ничего не стоит. Что я сам мог написать.

Зарецкий взял бумагу, развернул. Корявым, малограмотным почерком было написано: «Я, Петров Семён, продал Фоме Сидорову табакерку серебряную за один рубль. Деньги получил сполна. Обязуюсь, что вещь не краденая». Подпись - неразборчивая, как и всё остальное.

- Почерк не твой, - сказал Зарецкий.

- Не мой, барин. Я писать едва умею. Это парень писал, тот самый. При мне. А потом расписался.

- А свидетели?

- Никого не было. Один я.

Зарецкий сел на стул, положил обе бумаги на стол. Дело было плохое. Расписка без свидетелей в суде почти ничего не стоила. А продавец исчез - значит, не подтвердит. Полиция, скорее всего, даже не пыталась его искать - зачем, если есть готовый обвиняемый?

Но было в этой истории что-то, что заставляло его сомневаться в обвинении. Фома не был вором. Он был старьёвщиком, каких много на окраинах - берут всё, не спрашивая, потому что спрашивать некогда. И если он говорит, что купил честно, - скорее всего, так и есть. Зарецкий знал Фому два года. За это время старьёвщик ни разу не дал ему повода усомниться в своей честности. Даже когда одолжил деньги - не потребовал расписки, не напоминал, не жаловался.

- Кто тебя обвиняет? - спросил Зарецкий. - Конкретно?

Фома оглянулся на дверь - она была закрыта, но привычка оглядываться, видимо, осталась с Москвы.

- Полиция, барин. Но, говорят, за этим... он. - Фома понизил голос так, что Зарецкому пришлось наклониться. - Тот, кого не называют. Ему не нравится, что я когда-то вам помогал. И

что я здесь, в Грандалинке, снова. Он узнал. Теперь решил наказать. Чтобы другим неповадно было.

Зарецкий почувковал, как холод пробежал по спине. Значит, его уже заметили. Уже начали давить. Не на него прямо - на тех, кто рядом. На Фому. На того, кто когда-то одолжил ему сто рублей. Тетерин не забывал обид. Тетерин наказывал. И наказывал так, чтобы другие видели и боялись.

- Я возьмусь за твоё дело, Фома, - сказал Зарецкий. - Бесплатно. Как ты когда-то мне помог - так и я тебе помогу.

- Спасибо, барин. - Фома низко поклонился. - Только вы осторожнее. Они не остановятся. Если вы им помешаете - они и до вас доберутся.

- Я знаю.

Фома ушёл. Оставил на столе повестку и расписку. Зарецкий долго сидел, глядя на эти бумаги. Потом зажжёт ещё одну свечу - так, чтобы было светлее, - и начал разбирать дело по частям.

В расписке было что-то не так. Что-то, что он не мог уловить, но чувствовал. Бумага. Чернила. Почерк. Или не в расписке - в том, как полиция оформила обвинение. Слишком быстро. Слишком гладко. Слишком мало улик для такого серьёзного обвинения.

Он достал тетрадь и начал писать:

«Дело Фомы. Обвинение в хранении краденого. Доказательства - только табакерка и отсутствие продавца. Расписка есть, но без свидетелей. Вопросы: почему полиция не искала продавца? Почему так быстро назначили суд? Кто донёс? Что стоит за этим делом - реальная кража или предупреждение?»

Он перечитал написанное и дописал внизу:

«Завтра иду в полицию. Буду требовать материалы дела. Если не дадут - буду жаловаться прокурору. Фому не сдам».

Он задул свечу. В комнате стало темно. Только угли в печке светились тёплым, красноватым светом. Зарецкий смотрел на них и думал. О Фоме. О Тетерине. О том, что война началась - не тогда, когда он сел в поезд на Курском вокзале, а сейчас. В этой маленькой конторе на Восточном околотке. С этого первого дела.

Он усмехнулся в темноте.

- Ну что ж, - сказал он тихо. - Посмотрим, чья возьмёт.

На следующее утро Зарецкий встал до рассвета.

Он не спал почти всю ночь - ворочался, думал, перебирал в голове детали дела Фомы. Что-то не давало покоя, какая-то мелочь, которая ускользала, как только он пытался её ухватить. Он зажжёт свечу ещё затемно, сел за стол, перечитал расписку - в десятый, наверное, раз. Бумага была обычной, дешёвой, из тех, что продаются в любом писчебумажном магазине. Чернила - синие, тоже обычные. Почерк - небрежный, торопливый, как будто человек писал и торопился закончить. Подпись - неразборчивая, несколько загогулин, которые могли означать что угодно.

Но была одна деталь, которую он заметил только сейчас, при утреннем свете, когда свеча уже не нужна, а солнце ещё не взошло. В углу расписки, почти у самого края, стояла маленькая буква - «П». Не подпись, нет, просто буква, выведенная тем же почерком, что и весь текст, но отдельно, как будто человек, написавший расписку, хотел что-то обозначить и забыл дописать.

Что значит «П»? Имя? Фамилия? Номер?

Зарецкий перевернул бумагу - на обороте ничего не было. Тогда он взял повестку в суд, которую принёс Фома. Гербовая бумага, печать, подпись пристава. Всё чин-чинарём. Но и здесь была странность: дата составления протокола об изъятии табакерки значилась пятнадцатым марта, а дата обыска в лавке Фомы - тринадцатым. То есть обыск провели раньше, чем

составили протокол. Так не бывает. Протокол пишут в момент изъятия, а не через два дня. Если, конечно, всё делают по закону.

А если не по закону?

Зарецкий отложил бумаги, встал, потянулся. Нужно было идти в полицейское управление - требовать материалы дела, смотреть протоколы, допрашивать свидетелей. Но он знал, что ему не дадут. Чужой. Приезжий. Адвокат, который не имеет лицензии (ему всё ещё отказывали, находя всё новые формальные причины - не тот бланк, не та подпись, не та печать). Формально он не имел права даже знакомиться с материалами. Но он знал другой путь - не через канцелярию, а через людей.

Он оделся, умылся ледяной водой из кувшина, надел сюртук. В карман положил тетрадь, расписку, несколько чистых листов. Вышел на улицу.

Утро было серым, промозглым. Мартовский ветер гнал по грязи обрывки газет и прошлогодние листья. На углу, у колодца, уже собирались женщины с вёдрами - они переговаривались вполголоса, поглядывали на него, замолкали, когда он проходил мимо. Чужой. Приезжий. Адвокат. Слухи уже разнеслись: к нему приходил Фома-старьёвщик. Значит, берётся за дела. Значит, будет судиться. А с кем судиться-то? С теми, кто всех судит?

Зарецкий не обращал внимания. Он шёл быстро, не глядя по сторонам, к центру, где находилось полицейское управление. По пути он обдумывал план. Сначала - попытаться официально. Предъявить удостоверение помощника присяжного поверенного (оно было московское, но в Грандалинке должно было действовать, по крайней мере, формально). Попросить материалы дела. Откажут - значит, есть что скрывать. Тогда - искать другие пути. Фома говорил, что в участке есть один добрый человек, писарь, который иногда подсказывает, как лучше подать жалобу. Может, и здесь найдётся такой же.

Полицейское управление располагалось на Соборной площади, напротив думы, в двухэтажном каменном здании с колоннами и чугунными воротами. У входа стоял городской - молодой парень с рыжими усами и сонным лицом. Увидев Зарецкого, он выпрямился, но не козырнул - не по форме.

- Вам кого? - спросил он лениво.

- Мне нужен пристав, который вёл дело старьёвщика Фомы Сидорова. По обвинению в хранении краденого.

- Дело? - городской поморщился. - У нас таких дел много. Вы по какому вопросу?

- Я адвокат. Хочу ознакомиться с материалами.

Городовой смерил его взглядом. Сюртук потёртый, но чистый. Сапоги не новые, но начищены. Глаза - не просительные, а требовательные. Таких здесь не любили.

- Обождите здесь, - сказал городской и скрылся внутри.

Зарецкий ждал. Минут пять, десять, пятнадцать. Мимо проходили люди - чиновники в мундирах, купцы в сюртуках, женщины с корзинками. Никто не обращал на него внимания. Он стоял, сунув руки в карманы, и смотрел на здание думы напротив. Там, за колоннами, за высокими окнами, за тяжёлыми портьерами, сидел тот, кто правил этим городом. Тетерин. Владимир Павлович Тетерин. Гласный думы. Председатель нескольких комиссий. Человек, о котором говорили шёпотом. Человек, который держал в кулаке полицию, суд, управу, нотариусов и половину адвокатов.

Зарецкий думал о нём. О том, что они ни разу не встречались лицом к лицу. Только один раз, в первый вечер в Грандалинке, он видел, как из боковой двери думы вышел грузный человек в дорогой шубе, с тростью, с усталым лицом, и сел в карету. Тогда он ещё не знал, что это - Тетерин. Понял позже, по описаниям. Обычное лицо. Усталое. Страшное своей обыденностью.

Наконец городской вернулся.

- Пристав сказал: без разрешения суда материалы не выдаются. Обращайтесь в суд.

- В какой суд? - спросил Зарецкий.
- А в тот, который дело ведёт. Мировой суд, второй участок.
- А где находится второй участок?
- На Знаменской, дом пятнадцать. - Городовой уже поворачивался, чтобы уйти.
- Пойдите. - Зарецкий достал из кармана рубль. - А нельзя ли просто посмотреть дело? Без выемки. Я не буду копировать, только посмотрю, что там написано.
Городовой покосился на рубль, потом на Зарецкого.
- Нельзя, барин. У нас строго. Пристав сказал - без разрешения ни-ни. И не просите.
Он ушёл. Зарецкий спрятал рубль обратно. Значит, официальный путь закрыт. Что ж, попробуем другой.

Он пошёл в мировой суд, на Знаменскую. Здание было маленьким, деревянным, с облупившейся краской и покосившимся крыльцом. У входа толпились люди - в основном бедные, в залатанных тулупах и платках. Они ждали своей очереди, курили, переговаривались. Увидев Зарецкого, они расступились - не из уважения, а из привычки уступать дорогу тем, кто лучше одет.

Секретарь суда оказался пожилым человеком с бакенбардами и в золотых очках. Он сидел за столом в маленькой приёмной и перебирал бумаги. Увидев Зарецкого, он поднял голову.

- Вы по какому делу?
- По делу Сидорова Фомы. Обвинение в хранении краденого. Я адвокат, хотел бы ознакомиться с материалами.

Секретарь снял очки, протёр их платком, снова надел.

- А кто вас уполномочил? - спросил он сухо.
- Мой клиент, Фома Сидоров. Вот доверенность. - Зарецкий протянул бумагу, которую составил накануне вечером.

Секретарь взял доверенность, прочитал, положил на стол.

- Доверенность не заверена нотариально. Не годится.
- В Грандалинке нет нотариуса, который работает по воскресеньям, а дело завтра. Я прошу допустить меня как защитника по устному ходатайству.
- Не могу. - Секретарь был непреклонен. - Без нотариальной доверенности - никак. Таков порядок.

- А свидетели? Могу я поговорить со свидетелями?

- Свидетели будут вызваны в суд. До суда - не положено.

Зарецкий понимал: это не бюрократия. Это система. Ему не давали сделать ни шагу. Каждая дверь была закрыта, каждый чиновник говорил «нельзя», каждый документ оказывался не тем, не так оформлен, не с той печатью. Его выдавливали. Не грубо, не скандально - формально, вежливо, с ссылками на параграфы и статьи. Так, что нельзя было придаться. И это было страшнее, чем прямой отказ.

Он вышел из суда и остановился на крыльце. Моросил мелкий дождь, смешанный со снегом. Небо было серым, низким, давило на плечи. Он стоял, смотрел на мокрую мостовую и думал. Если нельзя официально - нужно искать неофициально. Фома говорил о писаре. Может быть, этот писарь и есть тот самый добрый человек, который поможет.

Он вернулся в контору к обеду. Фома уже ждал его, сидел на скамейке у крыльца, курил самокрутку.

- Ну что, барин? - спросил он, поднимаясь.

- Ничего хорошего. - Зарецкий отпер дверь, пропустил Фому внутрь, зажёл свечу. - В полиции не дали. В суде не дали. Без нотариальной доверенности - никак.

- Я же говорил, барин. - Фома вздохнул. - У них всё схвачено. Вы не пробьётесь.

- Пробьюсь, - твёрдо сказал Зарецкий. - Ты говорил про писаря. Тот, который помогает.

Где его найти?

Фома замялся.

- Есть один человек, барин. В управе работает, в канцелярии. Зовут Тимофей Иванович. Он, говорят, помогает бедным - бумаги оформляет, подсказывает, куда подать. Но он боится. Если узнают, что он с вами связался, - уволят. А то и хуже.

- Дай мне его адрес.

Фома написал на клочке бумаги корявыми буквами: «Тимофей Иванович Смирнов, Сенная, 12».

- Только осторожно, барин. Очень осторожно.

На Сенную Зарецкий пошёл вечером, когда уже стемнело. Это была улица на границе Восточной слободы и центра - ни туда ни сюда. Дома здесь были побогаче, чем на окраине, но беднее, чем на Соборной площади. Двенадцатый дом оказался деревянным, двухэтажным, с мезонином. Окна светились. Зарецкий постучал.

Открыла женщина - лет сорока, в чистом переднике, с усталым лицом.

- Вам кого?

- Тимофея Ивановича.

- А вы кто будете?

- Адвокат Зарецкий. По делу.

Женщина оглянулась, потом отступила, пропуская его:

- Проходите. Только недолго. Он вас боится.

Тимофей Иванович оказался маленьким, сухоньким человечком лет пятидесяти, с жидкими седыми волосами и бегающими глазами. Он сидел за столом в маленькой комнате, заваленной бумагами, и при появлении Зарецкого вскочил, как ужаленный.

- Зачем вы пришли? - зашептал он, оглядываясь на дверь. - Зачем? Меня же уволят!

- Я только спросить, Тимофей Иванович. - Зарецкий сел на стул, не дожидаясь приглашения. - У вас есть доступ к материалам полицейского дознания?

- Нет у меня никакого доступа! - Писарь замахал руками. - Я маленький человек, что вы, что вы...

- Тимофей Иванович, - Зарецкий понизил голос, - я не прошу вас нарушать закон. Я прошу только сказать: есть ли в деле Сидорова нарушения? Дата протокола не совпадает с датой обыска. Расписка не заверена. Свидетель-продавец исчез. Это похоже на нормальное расследование или на то, что дело сфабриковано?

Писарь замолчал. Глаза его бегали по комнате - на окно, на дверь, на икону в углу. Он тербил край жилета, кусал губы. Наконец, собравшись с духом, сказал:

- Вы не из наших, барин. Вы не понимаете, как здесь всё устроено. Дело Сидорова... - он оглянулся ещё раз и перешёл на шёпот, - дело Сидорова заказали. Сверху. Сказали: найти состав, посадить. Любого. Хоть этого старьёвщика. Чтобы другим неповадно было.

- Кто сказал?

- Не называю, барин. И вы не заставляйте. У меня семья, дети. Если узнают, что я вам сказал, - всё. Конец.

- Я никому не скажу. Но мне нужно знать: что в деле есть такого, что может его спасти?

Писарь помолчал. Потом открыл ящик стола, достал сложенный лист бумаги, протянул Зарецкому.

- Вот. Здесь список вещей, которые проходили по делу Сидорова в полиции. В первоначальном протоколе. Там была ещё одна вещь - медный подсвечник. Его потом убрали, потому

что он не вписывался в обвинение. Если бы подсвечник остался, можно было бы доказать, что парень, который продал табакерку, продавал и другие вещи. И тогда он - не случайный прохожий, а постоянный поставщик. А значит, Фома не мог знать, что табакерка краденая.

Зарецкий взял лист. Список был составлен аккуратным писарским почерком. В графе «изъятые вещи» значилось: «1) табакерка серебряная; 2) подсвечник медный, старый». И тут же - зачёркнуто, но читаемо.

- Почему вы мне это даёте? - спросил Зарецкий.

- Потому что мне жалко старика, - тихо ответил писарь. - Он хороший человек. И потому что вы - чужой. А чужие иногда делают то, что свои не могут. - Он помолчал. - А теперь уходите, барин. И не приходите больше. Ради бога.

Зарецкий спрятал лист в карман, встал.

- Спасибо, Тимофей Иванович. Я ничего не скажу.

- Идите, идите...

Он вышел на улицу. Дождь усиливался. Зарецкий поднял воротник, сунул руки в карманы и быстро пошёл к себе - в контору, к свече, к бумагам. Теперь у него была зацепка. Маленькая, слабая, но зацепка. Если в первоначальном протоколе был подсвечник, а потом исчез - значит, было давление. Значит, полиция фабриковала дело. И это можно было доказать.

Он вернулся, зажёл свечу, разложил бумаги. Расписка, повестка, лист от писаря. Теперь нужно было соединить это в одну картину. И завтра - в суд.

Он достал тетрадь и записал:

«Дело Фомы. Зацепка - подсвечник. В первоначальном протоколе был, потом исчез. Значит, дело фабриковали. Завтра в суде буду требовать вызова свидетеля - того, кто составлял протокол. Если он подтвердит, что подсвечник был, - обвинение рухнет. Если нет - будем искать дальше».

Он закрыл тетрадь, задул свечу и лёг. Завтра предстоял первый серьёзный бой.

Суд назначили на десять утра.

Зарецкий пришёл за час. Он хотел осмотреть зал, понять, где будет сидеть судья, где - прокурор, где - свидетель. Но зал оказался закрыт. Пришлось ждать в коридоре, на жёсткой деревянной скамье, вместе с другими просителями и свидетелями.

Фома пришёл ровно в девять. Он был в чистом, хотя и застиранном сюртуке, волосы приглажены, борода расчёсана. Видно было, что он готовился - как к празднику, к которому не звали, но очень хотелось быть приглашённым.

- Волнуешься? - спросил Зарецкий.

- Как перед боем, барин. - Фома перекрестился на икону, висевшую в углу коридора. - Только не знаю, выйду ли живым.

- Выйдешь. Главное - ничего не бойся. Говори правду. Только правду. Даже если она тебе кажется неудобной.

- Понял, барин.

Ровно в десять дверь зала открылась. Секретарь - тот самый, с бакенбардами - выглянул и позвал:

- Дело Сидорова! Стороны - в зал!

Зал был маленьким, на два десятка мест. Скамьи для публики уже заполнились - пришли зеваки, любопытные старухи, несколько лавочников с Восточного околотка. В первом ряду Зарецкий заметил Комарова - того самого адвоката, который предупреждал его. Комаров сидел, сложив руки на груди, и смотрел перед собой отсутствующим взглядом. Зачем он пришёл? Посмотреть? Или следить?

Судья - пожилой мужчина с седыми бакенбардами, в очках, с усталым, равнодушным лицом - занял своё место. Он даже не взглянул на подсудимого. Прокурор - молодой, щеголеватый, с маленькими усиками - что-то писал в блокноте, не поднимая головы.

- Слушается дело об обвинении мещанина Фомы Сидорова в хранении заведомо краденого имущества, - объявил секретарь. - Обвинение поддерживает товарищ прокурора Ржевский. Защиту ведёт присяжный поверенный Зарецкий.

Зарецкий встал. Он чувствовал, как колотится сердце, но голос был твёрдым.

- Ваша честь, разрешите обратиться до начала допроса свидетелей?

- Обращайтесь.

- Я прошу вызвать в суд полицейского писаря, составившего протокол изъятия вещей у моего подзащитного. Его фамилия - Смирнов Тимофей Иванович.

В зале зашумели. Судья постучал карандашом по столу.

- Зачем вам писарь?

- Чтобы подтвердить, что первоначальный протокол изъятия содержал помимо табакерки ещё одну вещь - медный подсвечник. Эта запись была зачёркнута позже, без объяснения причин. Я считаю, что это свидетельствует о фабрикации дела.

Прокурор, до этого молчавший, поднял голову. Его лицо осталось бесстрастным, но Зарецкий заметил, как дёрнулся уголок рта.

- Это новая информация, - спокойно сказал прокурор. - Ни в обвинительном заключении, ни в материалах дела она не фигурирует. Защита пытается ввести суд в заблуждение.

- Я готов представить документы, - Зарецкий достал из саквояжа лист, полученный от писаря, и протянул судье. - Вот копия первоначального протокола. В графе «изъятые вещи» значится подсвечник. Зачёркнуто, но читаемо.

Судья взял лист, надел очки, долго рассматривал. Потом положил на стол.

- Где вы взяли этот документ?

- Это копия из материалов полицейского дознания. Я получил её от... - Зарецкий запнулся. Он не мог назвать имя писаря - это подставило бы его под увольнение. - От лица, пожелавшего остаться неизвестным.

- Анонимка, - усмехнулся прокурор. - Ваша честь, защита ссылается на анонимный документ. Это недопустимо.

Судья кивнул.

- Действительно, господин защитник. Без указания источника документ не может быть приобщён к делу.

Зарецкий понимал: он проигрывает этот раунд. Но он был готов.

- Тогда я прошу вызвать в суд свидетеля - самого Тимофея Ивановича Смирнова. Он подтвердит под присягой, что в первоначальном протоколе был подсвечник.

Судья и прокурор переглянулись.

- Хорошо, - сказал судья. - Свидетель будет вызван. Но на сегодня заседание переносится. Объявляю перерыв до завтра, десять утра.

Он встал и вышел из-за стола. Зал зашумел. Публика начала расходиться.

Фома подошёл к Зарецкому, схватил его за рукав.

- Барин, а что теперь? Они же его запугают! Тимофея Ивановича! Он же откажется!

- Не откажется, - сказал Зарецкий, хотя сам не был уверен. - Он дал мне этот лист. Значит, совесть у него есть. А если есть совесть - не отступит.

Но в глубине души он знал: это только начало. И самая трудная часть - впереди.

Ночь после первого дня суда Зарецкий не спал.

Он сидел в конторе при двух свечах - третью было жалко жечь, керосин тоже стоил денег, - и перебирал бумаги. Перед ним лежали: расписка Семёна Петрова, повестка в суд, листок, полученный от писаря Тимофея Ивановича, и несколько чистых листов, на которых он пытался набросать план защиты.

Дело было не простым. Оно было безнадёжным.

Так, по крайней мере, казалось со стороны. Полицейское дознание: табакерка обнаружена в лавке Фомы, продавец исчез, расписка без свидетелей, Фома не может доказать, что купил вещь, а не украл. Обвинение строилось на простой логике: «Если у человека нашли краденое, а он не может объяснить, откуда оно у него, - значит, он украл». Логика была примитивной, но в уездном суде, где судьи не утруждали себя вопросами, она работала безотказно.

Но Зарецкий знал то, чего не знал суд. Он знал Фому. Знал, что старьёвщик не вор. Знал, что табакерку он купил - пусть без свидетелей, пусть за рубль, пусть у сомнительного типа, но купил. И знал, что дело было заказано - сверху, теми, кто хотел наказать Фому за то, что он когда-то помогал Зарецкому в Москве. За то, что он вообще существовал. За то, что был маленьким, но живым укором для тех, кто привык, что все молчат и кланяются.

Вопрос был в том, как превратить это знание в доказательства.

Зарецкий взял лист писаря - тот самый, с зачёркнутым подсвечником. Он смотрел на него уже в сотый раз, и каждый раз видел одно и то же: аккуратный писарский почерк, синие чернила, жирную чёрную линию, перечёркивающую слово «подсвечник». Линия была проведена с такой силой, что бумага в этом месте почти протёрлась. Кто-то очень хотел, чтобы подсвечника не было.

Но кто?

Писарь Тимофей Иванович не назвал имени. Сказал только: «Сверху». Зарецкий мог догадываться. В Грандалинке «сверху» означало одно - Тетерин. Но доказать это было невозможно. Да и не нужно было для дела Фомы. Для дела Фомы нужно было доказать другое: что протокол был изменён, что подсвечник существовал, что полиция скрыла улику, которая могла бы помочь обвиняемому.

Если бы удалось установить, что у Фомы была не одна краденая вещь, а две - и вторая, подсвечник, была такой дешёвой и незначительной, что её никто не стал бы красть, - это создало бы сомнение. А сомнение в уголовном деле, по законам Российской империи, толковалось в пользу обвиняемого. Даже в Грандалинке. Даже при продажном судье.

Но как доказать, что подсвечник был, если единственный свидетель - сам писарь, который боится потерять место?

Зарецкий встал, прошёлся по комнате. Печка давно прогорела, в комнате было холодно. Он закутался в шинель, сел снова. Мысли путались, перебивали друг друга. Нужно было что-то решать. И решать быстро - завтра в десять утра суд.

Он достал тетрадь и начал писать - не план защиты, а просто мысли, которые лезли в голову. Так он делал всегда, когда не мог найти решения. Писал, не останавливаясь, не перечитывая, не правя. Иногда ответ приходил сам собой, между строк.

«Подсвечник. Зачёркнут. Кто зачеркнул? Не писарь - он только переписывал. Значит, кто-то из полиции. Пристав? Его помощник? Почему зачеркнули? Потому что подсвечник был старый, медный, грошовый. Если бы в деле фигурировали две вещи - дорогая и дешёвая, - можно было бы предположить, что парень торговал разным хламом. Что он не вор, а мелкий перекупщик. Что Фома не мог знать происхождение каждой вещи. Подсвечник разрушил версию обвинения. Поэтому его убрали.»

Он отложил перо, перечитал написанное. Всё верно. Но что это даёт?

«Надо вызвать в суд того, кто зачеркнул. Не писаря - он только исполнитель. А того, кто отдал приказ. Пристава? Но пристав не придет. У него алиби. Он всегда занят. Он пошлёт помощника. Помощник будет врать. Как заставить его сказать правду?»

Зарецкий задумался. В Москве, у Плевако, он видел, как патрон загонял свидетелей в угол. Не криком - вопросами. Терпеливо, методично, шаг за шагом. «Вы видели это? А когда? А где? А почему вы не записали? А почему вы записали не так?» Свидетель начинал путаться, противоречить сам себе, и в конце концов признавался, что ошибся или что ему «подказали».

Может быть, и здесь сработает?

Зарецкий снова взялся за перо.

«План. Завтра в суде:

Вызвать писаря Тимофея Ивановича. Попросить его под присягой подтвердить, что подсвечник был в первоначальном протоколе. Он испугается, но, думаю, не откажется - он уже дал мне копию, значит, совесть есть.

После этого вызвать помощника пристава, который составлял протокол. Спросить, почему подсвечник исчез. Если скажет, что ошибся - спросить, как можно ошибиться в такой простой вещи. Если скажет, что подсвечника не было - предъявить показания писаря. Создать противоречие.

Добиться, чтобы суд назначил экспертизу протокола - когда была сделана зачёркивающая линия, теми же ли чернилами, что и основной текст. Если линия сделана позже - это фабрикация.

Главное - не дать судье закрыть дело до выяснения всех обстоятельств. Тянуть время. Требовать вызова новых свидетелей. Создавать шум».

Он перечитал план. Он был дерзким. Может быть, даже наглым. В уездном суде, где судья привык к покорным адвокатам, которые кивали и благодарили за любой вердикт, такое поведение могли счесть оскорблением. Но другого выхода не было. Если играть по их правилам - Фому посадят. Нужно было играть по своим.

Зарецкий посмотрел на часы - серебряные, с гравировкой «Ученику от учителя». Было уже далеко за полночь. Он задул свечи, лёг на койку, укрылся шинелью. Сон не шёл - мысли продолжали крутиться, как колёса поезда на стыках. Но тело требовало отдыха, и под утро он всё-таки провалился в тяжёлую, без снов, дремоту.

Утром он проснулся от стука в дверь.

Солнце уже взошло, но свет был бледным, мартовским, сквозь занавеску пробивался с трудом. Зарецкий вскочил, накинул сюртук, открыл. На пороге стоял Фома - в том же чистом сюртуке, что и вчера, но лицо у него было испуганное, глаза красные, опухшие.

- Барин, беда, - сказал он, переступая порог. - Тимофей Иванович заболел.

- Как заболел? - Зарецкий похолодел.

- Вчера вечером, после суда, к нему приходили. Двое. Из полиции. Поговорили - и он заболел. Жена говорит, лёг, стонет, встать не может. В суд сегодня не поедет.

Зарецкий понял. Не заболел - запугали. Двое из полиции «поговорили» - и теперь Тимофей Иванович будет лежать до тех пор, пока дело Фомы не закончится. А когда закончится - выздоровеет. Чудесным образом.

- Вот гады, - вырвалось у него.

- Что делать будем, барин? - Фома смотрел на него с надеждой, но в этой надежде уже было отчаяние. Он понимал, что без свидетеля шансов нет.

Зарецкий сел на стул, опустил голову. План рушился. Главный свидетель выбыл. Вызвать его в суд не удастся - нужна медицинская справка, а врач, который её выдаст, тоже, наверное, уже «поговорил» с кем нужно. Круг замкнулся.

- Ищи другого свидетеля, - сказал он наконец.

- Кого, барин? - Фома развёл руками. - Я никого не знаю. Только Тимофей Иванович.

- А тот парень? Семён Петров? Который продал табакерку?

- Исчез. Я же говорил.

- Значит, нужно найти его. - Зарецкий встал, начал ходить по комнате. - Где он жил? Где его видели в последний раз? С кем он водился?

Фома задумался. Потёр лоб, прищурился.

- Был у него один дружок, - сказал он нерешительно. - Тоже старьёвщик, только поменьше меня, с Хитровки. В Грандалинск перебрался, как и я. Зовут Егором. Он, может, знает, где Семён.

- Где его найти?

- На Западной окраине, у часовни. Он там торгует, у паперти. Если ещё не спугнули. Зарецкий посмотрел на часы. До суда оставалось два часа.

- Иди домой, Фома, - сказал он. - Отдыхай. К суду будь готов. А я попробую найти этого Егора.

- Один поедете? Опасно, барин. Тамошние места - сами знаете.

- Знаю. Но выбора нет.

Он надел шинель, сунул в карман тетрадь и несколько чистых листов. Денег взял немного - на извозчика, если повезёт найти. Фома пошёл к выходу, но на пороге остановился.

- Барин, - сказал он тихо. - Если не найдёте - не вините себя. Я понимаю. Они сильнее.

- Не сильнее, - ответил Зарецкий. - Просто наглее.

Он вышел на улицу. Утро было серым, холодным, ветер гнал по грязи обрывки бумаги и щепки. Зарецкий зашагал к центру, надеясь поймать извозчика. Нужно было успеть.

На Западную окраину он добрался через сорок минут. Извозчик, рябой мужик в драном тулупе, долго отказывался ехать: «Туда, барин, не возят. Там и без нас хватает». Пришлось заплатить вдвое.

Часовня стояла на пустыре, у самого леса. Это была маленькая, ветхая деревянная постройка с покосившимся крестом и облупившимся куполом. Внутри, наверное, было темно и холодно - как и всё в этом городе. У паперти, привалившись к стене, сидел человек. Он был укутан в лохмотья так, что лица не было видно, только нос - красный, распухший - торчал наружу.

- Егор? - окликнул Зарецкий.

Человек поднял голову. Глаза были маленькие, блёклые, с красными прожилками. Лицо - опухшее, небритое, с глубокими морщинами.

- Ну я, - сказал он хрипло. - А ты кто?

- Адвокат. Мне нужен Семён Петров. Тот, который продал табакерку старьёвщику Фоме.

Человек усмехнулся, сплюнул.

- Семён? А его уже нет.

- Как нет?

- А так. Забрали его. Вчера вечером. Двое в штатском, а третий - из полиции. Посадили в карету и увезли. Куда - не знаю. Может, в Москву. А может, и дальше.

Зарецкий почувствовал, как земля уходит из-под ног. Значит, успели. Зачистили концы. Семёна Петрова - единственного человека, который мог подтвердить, что продал табакерку Фоме, - увезли. Не арестовали, нет - просто увезли. И неизвестно куда.

- А ты не знаешь, за что его забрали? - спросил он.

- А за то же, за что и всех, - Егор зевнул, не прикрывая рта. - Не кланялся. Не молчал. Думал, что он умный, а оказался - вор.

- Он был вором?

- Ну, не без того. Мог и стянуть, если плохо лежит. Но ту табакерку - не он. Ему подкинули. А он продал, дурак. Думал, повезло.

Зарецкий сел на корточки перед Егором.

- Слушай, Егор. Ты можешь это подтвердить в суде? Что табакерку Семёну подкинули, что он не воровал, что Фома купил честно?

- В суде? - Егор хрипло рассмеялся. - В нашем суде? Меня туда и на пушечный выстрел не подпустят. Я ж бездомный, без паспорта, без вида на жительство. Меня самого в два счёта упекут.

- Я буду тебя защищать.

- Чем? - Егор смерил его взглядом. - Ты, барин, вроде неглупый, а говоришь глупости. В Грандалинке нет защиты. Есть только один суд - его суд. Того, кого не называют. И он уже всё решил.

Он поднялся, отряхнулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Зарецкий остался стоять у часовни. Ветер дул в лицо, холодный, колючий, с мелкими снежными крупинками. Март в этом году был злым.

Он вернулся в контору за полчаса до суда. Фома уже ждал - сидел на скамейке, курил самокрутку, смотрел в землю.

- Ну что, барин? - спросил он, поднимаясь.

- Ничего. - Зарецкий не стал врать. - Семёна увезли. Егор боится. Тимофей Иванович заболел. Есть только мы.

- И что?

- А то, что пойдём в суд и будем драться. Без свидетелей, без улик, без ничего. Просто я буду говорить, а ты - сидеть и не бояться.

Фома посмотрел на него долгим взглядом. Потом усмехнулся.

- Вы, барин, чудной. В хорошем смысле. Такой же, как Плевако. Тот тоже не боялся.

- Плевако боялся, - ответил Зарецкий. - Просто умел не показывать.

Они пошли в суд.

Зал был тем же, что и вчера: маленький, душный, с низким потолком и тёмными стенами. Публики собралось больше - слух о том, что московский адвокат полез в драку с местной полицией, разлетелся по городу. В первом ряду Зарецкий снова заметил Комарова - тот сидел, скрестив руки на груди, и смотрел на него с выражением, которое трудно было прочесть. Любопытство? Сочувствие? Или скука человека, который знает, чем кончится спектакль?

Судья, тот же пожилой мужчина с седыми бакенбардами, занял своё место. Прокурор Ржевский, щеголеватый, с маленькими усиками, уже сидел за своим столом, перебирая бумаги. Увидев Зарецкого, он поднял бровь - иронически, словно спрашивая: «Ну что, защитник, придумал что-нибудь?»

- Слушается дело об обвинении мещанина Фомы Сидорова в хранении заведомо краденого имущества, - объявил секретарь. - Прошу встать, суд идёт.

Все встали. Судья кивнул, секретарь сел, зал замер.

- Слово для изложения обвинения предоставляется товарищу прокурора Ржевскому.

Ржевский поднялся. Он говорил гладко, уверенно, с лёгкой усмешкой, которая, видимо, должна была означать превосходство. Он повторил то, что уже было сказано в обвинительном заключении: у подсудимого найдена краденая вещь, происхождение вещи он объяснить не может, продавец исчез, расписка не имеет юридической силы. Значит, виновен.

- Прошу суд назначить наказание в виде трёх месяцев ареста, - закончил Ржевский и сел. Зарецкий встал. Сердце колотилось, но голос был ровным.

- Ваша честь, разрешите представить защиту.

- Представляйте.

- Я не буду оспаривать факт нахождения табакерки в лавке моего подзащитного. Этот факт установлен и не требует доказательств. Я не буду оспаривать и то, что табакерка была краденой - это установлено следствием. Но я прошу суд ответить на один вопрос: доказывает ли наличие краденой вещи у человека, что этот человек - вор?

В зале зашумели. Судья постучал карандашом.

- Тишина в зале! Продолжайте, господин защитник.

- Допустим, я купил на толкучке старые часы. А через неделю приходит полиция и говорит: «Часы краденые». Я не знал, что они краденые. Я купил их честно, заплатил деньги. Я лично вор? Нет. Я - покупатель. И если я могу доказать, что купил вещь, не зная о её происхождении, - состав преступления отсутствует.

Прокурор усмехнулся:

- Но подсудимый не может этого доказать.

- А обвинение может доказать обратное? - парировал Зарецкий. - Где свидетель, который видел, как Фома Сидоров крал табакерку? Его нет. Где продавец, который подтвердил бы, что табакерка была продана, а не украдена? Его нет - он исчез. Где доказательства того, что Фома Сидоров знал о краденном происхождении вещи? Их нет. Всё, что есть у обвинения, - это факт нахождения. А факт нахождения, господа, без установления умысла - ещё не преступление.

Судья слушал, не перебивая. Лицо его было бесстрастным, как у человека, который уже всё решил, но делает вид, что взвешивает доводы.

- У защиты есть свидетели? - спросил он.

- Да, - сказал Зарецкий. - Я прошу вызвать в суд помощника пристава, составившего протокол изъятия вещей. Его фамилия - Молчанов.

Ржевский поднял бровь:

- Зачем вам помощник пристава?

- Чтобы задать ему один вопрос. - Зарецкий повернулся к судье. - Ваша честь, в первоначальном протоколе изъятия, помимо табакерки, значился ещё один предмет - медный подсвечник. Впоследствии эта запись была зачёркнута. Я хочу спросить у помощника пристава, почему это произошло.

В зале снова зашумели. Судья постучал громче.

- Господин защитник, откуда у вас эти сведения?

- У меня есть копия первоначального протокола, - сказал Зарецкий, доставая лист, полученный от писаря. - Копия заверена лицом, имеющим доступ к материалам дознания. Я не могу назвать это лицо, но готов представить документ на обозрение суда.

Судья взял лист, долго рассматривал. Потом передал прокурору. Ржевский пробежал глазами, усмехнулся.

- Ваша честь, это анонимка. Она не имеет юридической силы.

- Согласен, - неожиданно сказал Зарецкий. - Поэтому я и прошу вызвать помощника пристава. Он под присягой подтвердит или опровергнет наличие подсвечника в протоколе. Если подтвердит - значит, документ подлинный. Если опровергнет - значит, я ошибся, и мои подозрения необоснованны.

Судья задумался. Зарецкий видел, как он колеблется. Отказать - значит дать повод для апелляции. Согласиться - значит открыть ящик Пандоры. В Грандалинке не любили тех, кто открывал ящики.

- Хорошо, - сказал судья наконец. - Помощник пристава Молчанов будет вызван. Но на сегодня заседание переносится. До завтра, десять утра.

Он встал и вышел. Зал зашумел. Прокурор Ржевский, проходя мимо Зарецкого, бросил:

- Вы зря стараетесь. Молчанов скажет то, что нужно.

- Посмотрим, - ответил Зарецкий.

Фома подошёл, взял его за рукав.

- Барин, они же его подкупают. Или запугают.

- Может быть. Но теперь это будет не молчание, а ложь. А ложь, Фома, всегда оставляет следы.

Они вышли из зала. На улице уже смеркалось. Мартовский ветер стих, но холод стал ещё пронизывающее. Зарецкий стоял на крыльце, смотрел на тёмное небо и думал. Один раунд он выиграл - суд согласился вызвать Молчанова. Но главный бой был впереди.

Молчанов явился в суд на следующий день.

Это был мужчина лет сорока, коренастый, с короткой шеей и тяжёлым подбородком. Форма сидела на нём мешком, сапоги были нечищеными, лицо - опухшим, с красными прожилками на носу и щеках. Типичный полицейский из уездного города: грубый, недалёкий, привыкший, что ему верят на слово.

Он вошёл в зал с видом человека, который делает одолжение. Секунду постоял у двери, оглядел публику, потом неторопливо прошёл к свидетельскому месту. Руку для присяги поднял небрежно, губы шевелились невнятно - было видно, что он не понимает значения происходящего.

- Свидетель, назовите ваше имя, звание и место службы, - начал судья.

- Молчанов Илья Степанович, помощник пристава второго стана, - проговорил он басом.

- Служу седьмой год.

- Вы составляли протокол изъятия вещей в лавке подсудимого Фомы Сидорова?

- Составлял. Тринадцатого марта.

- В протоколе была запись о медном подсвечнике?

Молчанов помедлил. Его маленькие глазки скользнули по залу - на прокурора, на судью, на Зарецкого. Зарецкий увидел, как дёрнулась щека, - тот самый тик, который бывает у людей, когда они собираются соврать.

- Нет, - сказал Молчанов. - Никакого подсвечника не было.

- Вы уверены?

- Абсолютно. Я протокол сам составлял, собственноручно. Была только табакерка.

В зале прошелестел вздох. Публика, которая надеялась на сенсацию, разочарованно зашущукалась. Зарецкий почувствовал, как Фома рядом с ним обмяк.

- У защиты есть вопросы к свидетелю? - спросил судья.

- Есть, ваша честь. - Зарецкий поднялся и подошёл к Молчанову. - Господин помощник пристава, вы сказали, что составляли протокол собственноручно. А кто ещё присутствовал при изъятии?

Молчанов нахмурился.

- Понятые. Двое.

- Их фамилии?

- Кочергин и Смирнов.

- Они тоже подписывали протокол?

- Подписывали.

- И они не заметили подсвечника?

- Не было подсвечника, - раздражённо повторил Молчанов. - Вы что, не слышите?

- Слышу. - Зарецкий не повышал голоса, говорил ровно, почти лениво. - Скажите, господин помощник пристава, а почему в протоколе, который вы составляли, подпись писаря Тимофея Ивановича Смирнова стоит под текстом, а не под графой „изъятые вещи“?

Молчанов замешкался.

- Потому что... потому что так положено.

- А можно взглянуть на протокол? - спросил Зарецкий, обращаясь к судье. - Я хочу сравнить почерк в основном тексте и в графе „изъятые вещи“.

Судья кивнул секретарю. Тот подал протокол. Зарецкий взял его, долго рассматривал. Потом поднял глаза.

- Ваша честь, я прошу вызвать эксперта-почерковеда. Потому что текст в графе „изъятые вещи“ написан не тем почерком, что основной протокол. И чернила - другие. Этот документ был изменён после того, как его подписали понятые.

В зале поднялся шум. Прокурор Ржевский вскочил.

- Ваша честь, защита передёргивает! У нас нет оснований подозревать подделку!

- Основания есть, - спокойно ответил Зарецкий. - Разные чернила. Разный почерк. И зачёркнутая запись, которую можно прочитать. Если суд откажет в экспертизе, я буду вынужден подать жалобу в судебную палату.

Судья снял очки, протёр их, снова надел. Посмотрел на протокол, на Молчанова, на прокурора.

- Экспертиза - дело дорогое и долгое, - сказал он. - Суд не видит оснований для её назначения.

- Тогда я прошу допросить понятых, - не сдавался Зарецкий. - Кочергина и Смирнова. Они подтвердят, была ли в протоколе запись о подсвечнике.

Судья вздохнул - тяжело, устало, как человек, который понял, что дело не закончится быстро.

- Вызывайте понятых, - сказал он. - Заседание переносится на послезавтра.

Он встал и вышел. Зарецкий перевёл дыхание. Фома смотрел на него широко раскрытыми глазами.

- Барин, вы что, правда сможете?

- Посмотрим, - ответил Зарецкий. - Посмотрим.

Понятые Кочергин и Смирнов явились в суд через два дня. Кочергин был мелким лавочником с Восточного околотка, Смирнов - отставным солдатом, работавшим сторожем при складе. Оба выглядели испуганными - чувствовалось, что их уже успели «поговорить» с кем нужно.

Зарецкий допрашивал их по очереди.

- Господин Кочергин, вы присутствовали при изъятии вещей в лавке Сидорова?

- Присутствовал.

- Что вы видели?

- Табакерку. Серебряную.

- Только табакерку?

Кочергин замаялся. Глаза его бегали по залу - на прокурора, на Молчанова, на судью.

- Только табакерку, - сказал он наконец.

- А подсвечник? Медный, старый? Вы его не видели?

- Не видел.

Зарецкий не стал давить. Перешёл к Смирнову.

- Господин Смирнов, вы помните, что было написано в протоколе, который вы подписывали?

Смирнов был старый, глуховатый. Он наклонил голову, приставил ладонь к уху.

- Чего?

- Я спрашиваю: что было написано в протоколе?

- А я не грамотный, - сказал Смирнов. - Я подписал, потому что сказали. А что там было - не знаю.

- Но вы видели вещи, которые изымали?

- Видел. Табакерку.

- И всё?

Смирнов помолчал. Потом, глядя в сторону, сказал:

- И подсвечник. Старый, медный. Его тоже взяли.

В зале стало тихо. Прокурор Ржевский вскочил.

- Свидетель путает! - закричал он. - Он старый, глухой, он не помнит!

- А вы, господин прокурор, откуда знаете, что он не помнит? - спросил Зарецкий. - Вы были при изъятии?

Ржевский замолчал. Судья постучал карандашом.

- Свидетель, вы уверены, что видели подсвечник?

- Уверен, - твёрдо сказал Смирнов. - Я его ещё поднял, посмотрел. Медный, старый, с краской облупившейся. Я подумал: зачем старьёвщику такой хлам? А потом положил обратно.

- И куда он делся? - спросил Зарецкий.

- Не знаю. - Смирнов пожал плечами. - Когда протокол подписывали - его уже не было. Только табакерка.

Зарецкий повернулся к судье.

- Ваша честь, свидетель Смирнов подтвердил: подсвечник был. Значит, протокол был изменён. Я прошу признать протокол изъятия недействительным, а все доказательства, полученные на его основе, - недопустимыми.

Прокурор попытался возражать, но его голос утонул в шуме. Судья стучал, стучал карандашом, требуя тишины. Наконец он поднялся.

- Суд удаляется для вынесения решения, - объявил он. - Объявляю перерыв на один час. Он вышел. Зал взорвался голосами.

Час тянулся бесконечно.

Зарецкий сидел на скамье в коридоре, сцепив пальцы. Фома стоял у окна, смотрел на улицу, курил самокрутку за самокруткой. Рядом, на другом конце коридора, толпились родственники и знакомые подсудимого - кто-то молился, кто-то плакал, кто-то просто молчал, опустив голову.

Зарецкий думал о том, что сейчас происходит в кабинете судьи. Советуется ли он с прокурором? Звонит ли кому-то? Получает ли указания «сверху»? В Грандалинке ни одно решение не принималось без ведома Тетерина. И если Тетерин приказал посадить Фому - судья сделает всё, чтобы исполнить приказ. Даже если для этого придётся проигнорировать показания свидетеля.

Но была и другая возможность. Судья мог испугаться. Испугаться жалобы в судебную палату, испугаться скандала, испугаться того, что дело дойдёт до Москвы, до Плевако, до газет. В Грандалинке боялись огласки. Тетерин правил в тени - и любое вторжение света было для него опаснее, чем проигранное дело.

В этом была слабая надежда.

Когда судья вернулся, зал затих. Он сел, поправил очки, взял лист бумаги.

- Суд, выслушав стороны, допросив свидетелей и изучив материалы дела, постановляет: В зале было слышно, как муха пролетит.

- Ввиду отсутствия прямых доказательств умысла подсудимого, наличия неустранимых сомнений в достоверности протокола изъятия, а также показаний свидетеля Смирнова, подтвердившего, что в протокол были внесены изменения, - суд считает обвинение в хранении заведомо краденого имущества недоказанным.

Фома схватился за сердце.

- Подсудимого Фому Сидорова из-под стражи освободить немедленно. Дело прекратить за отсутствием состава преступления.

Судья поднялся и вышел, не глядя на зал.

А в зале творилось что-то невообразимое. Фома рыдал, уткнувшись лицом в плечо какого-то мужика в тулупе. Женщины крестились и плакали одновременно. Мужчины хлопали друг друга по спинам, хотя многие из них ещё минуту назад не были знакомы. Зарецкий стоял

у стены, смотрел на всё это и чувствовал странную пустоту. Он выиграл. Первое дело в Грандалинке. Первая победа. Но почему-то радости не было.

Он знал, что это только начало. Что Тетерин не простит. Что за этой победой последует удар - может быть, завтра, может быть, через неделю, может быть, через месяц. Но он придёт. И нужно было быть готовым.

Фома подбежал к нему, схватил за руки.

- Барин! Барин! Спасибо! Век не забуду!

- Не надо, Фома. - Зарецкий мягко освободил руки. - Ты мне когда-то помог. Теперь я помог тебе. Мы квиты.

- Какие квиты? - Фома вытер глаза рукавом. - Я теперь ваш навек. Что скажете - сделаю. Хотите - буду у вас сторожем, хотите - помощником. А хотите - просто так буду. Потому что вы - заступник. Настоящий.

Зарецкий усмехнулся.

- Заступник? Громко сказано.

- А вы посмотрите на них, - Фома обвёл рукой зал. - Они тоже так думают.

Зарецкий посмотрел. Люди, которые ещё вчера косились на него, здоровались сухо и отводили глаза, теперь смотрели с надеждой. Они не подходили - боялись, наверное, или не знали, что сказать. Но они смотрели. И в их взглядах было то, чего Зарецкий не видел в Грандалинке ни разу за всё время.

Уважение. И надежда.

Вечером в конторе Зарецкого было людно.

Впервые за два месяца, что он жил в Грандалинке, в его маленькую комнату набилось столько народа, что негде было повернуться. Сидели на стульях, на подоконнике, на полу. Курили - дым стоял столбом. Пили чай из хозяйских чашек и своих кружек. Говорили наперебой, перебивая друг друга, смеялись, спорили.

Фома был в центре этого круга. Он сидел на почётном месте - на единственном мягком стуле, который Зарецкий притащил из своей комнаты, - и рассказывал. Рассказывал, как его посадили, как допрашивали, как он боялся, что сгниёт в тюрьме. А потом появился Зарецкий - и всё изменилось.

- Он, батюшка, как начал в суде говорить! - Фома размахивал руками, изображая то прокурора, то судью, то самого Зарецкого. - Он им: «Господин помощник пристава, а почему у вас чернила разные?» А тот: «Не знаю». А он: «А почему у вас подпись писаря под текстом, а не под графой?» А тот молчит. А он: «Вы протокол фальсифицировали, господин хороший!» И все ахнули!

Зарецкий сидел в углу, пил чай и слушал. Ему было неловко - он не любил, когда его хвалили в лицо. Но он понимал, что это нужно. Не ему - людям. Им нужно было верить, что справедливость существует. Что есть кто-то, кто не побоится встать против системы. Что они не одни.

- А что теперь, Фома? - спросил кто-то из толпы. - Ты к нему в помощники пойдёшь?

- А то! - Фома стукнул кулаком по столу. - Теперь я его человек. Буду и клиентов приводить, и свидетелей искать, и сплетни собирать. Я всех знаю, все меня знают. А он - голова. У него - образование. Вместе мы - сила.

- Сила! - подхватили в толпе.

Зарецкий поставил чашку и поднялся.

- Люди добрые, - сказал он, и голос его перекрыл шум. - Я рад, что Фома на свободе. Я рад, что вы пришли. Но давайте договоримся сразу. Я адвокат. Я берусь за дела, которые кажутся безнадежными. Я не беру денег с тех, у кого их нет. Но я не волшебник. Я не могу выиграть все дела. Я не могу защитить всех. Я могу только попытаться.

- А мы больше и не просим! - крикнул кто-то. - Только попробуйте!

- Я попробую, - сказал Зарецкий. - Но и вы мне помогите. Если знаете, что кого-то обижают - говорите. Если знаете, что свидетеля запугивают - говорите. Если знаете, что документы подделаны - говорите. Молчание - наш главный враг. Не молчите.

Толпа загудела. Кто-то кивал, кто-то крестился, кто-то просто смотрел на него с тем же выражением надежды, которое он видел в зале суда.

Когда все разошлись, Зарецкий остался один. Фома ушёл последним, но перед уходом задержался в дверях.

- Барин, - сказал он тихо. - Вы знаете, что они теперь на вас зуб имеют?

- Знаю.

- Они не успокоятся. Сегодня вы им помешали. Завтра они придумают, как навредить.

- Пусть придумывают, - ответил Зарецкий. - Я готов.

- Дай-то Бог, - Фома перекрестился на икону в углу. - Дай-то Бог.

Он ушёл. Зарецкий сел за стол, зажёл свечу, достал тетрадь.

«Дело Фомы. Первая победа в Грандалинке. Оправдательный приговор. Фома теперь мой человек - будет помогать с клиентами и свидетелями. Люди поверили. Приходили сегодня, говорили, смотрели с надеждой. Я для них теперь - заступник.

Но Тетерин не простит. Нужно быть готовым. Первая победа - не конец. Это только начало».

Он закрыл тетрадь, задул свечу и долго сидел в темноте, глядя на печные угли. Они догорали, тлели, изредка вспыхивали коротким ярким огнём. Как надежда. Маленькая, но живучая.

Где-то в центре города, в большом каменном доме на Соборной площади, Владимир Павлович Тетерин читал донесение. Его секретарь, молодой человек с бегающими глазами, стоял у двери и ждал.

- Оправдали, - сказал Тетерин, откладывая бумагу. - Старьёвщика. Этого... как его?

- Сидорова, ваше превосходительство.

- Сидорова. А кто защищал?

- Зарецкий. Тот самый, из Москвы. Ученик Плевако.

Тетерин помолчал. Потом усмехнулся - невесело, скорее, удивлённо.

- Ученик, говоришь... - Он встал, подошёл к окну. За окном темнел Грандалинка - редкие фонари, пустынные улицы, чёрные провалы переулков. - Что ж, посмотрим, чей ученик сильнее.

Он повернулся к секретарю.

- Приготовь бумаги по купцу Самсонову. Тому, что лавку не отдаёт. И пригласи ко мне завтра утром прокурора Ржевского. Поговорить надо.

- Слушаюсь.

- И ещё. Пусть за новым адвокатом присмотрят. Кто к нему ходит, о чём говорит, какие бумаги носит. Всё докладывать.

- Слушаюсь, ваше превосходительство.

Тетерин отвернулся к окну. Секретарь бесшумно вышел. В комнате стало тихо. Только часы на стене тикали - маятник отмерял секунды, минуты, часы. Время, которого у Тетерина было много. И времени, которого у Зарецкого почти не оставалось.

Глава 3. Имя Тетерина

История с Фомой облетела Грандалинка за неделю.

Сначала о ней говорили на Восточном околотке - там, где жил сам Фома, где стояла его лавка, где люди знали его как своего, не чужого. Потом слух перекинулся на Западную слободу, где новости вообще распространялись медленно - улицы кривые, фонарей нет, люди живут замкнуто. Но и туда добрались. Потом - на центр. На Соборную площадь, в управу, в суд,

в полицейское управление. И везде шептались: «Московский адвокат оправдал старьёвщика. Нашёл ошибку в протоколе. Вызвал понятых. Судья испугался и выпустил».

Кто-то крестился, услышав эту новость: «Слава тебе Господи, хоть один правдивый человек появился». Кто-то усмехался: «Подумаешь, старьёвщика оправдал. Велика важность. Пусть попробует с кем потяжелее сладить». Кто-то молчал и ждал - что будет дальше.

Зарецкий не ждал. Он работал.

После дела Фомы клиенты пошли. Не потоком, конечно, не рекой - ручейком, тонким, но живым. Приходили по одному, по два в день, иногда - семьями. Жаловались на соседей, на домовладельцев, на полицию. Приносили бумаги - квитанции, расписки, договоры, повестки. Просили: «Посмотрите, барин, может, что можно сделать?» Зарецкий смотрел. И часто отвечал: «Ничего нельзя. Формально всё правильно. Тяжба безнадежна». Люди уходили, опустив головы. А он сидел и думал: сколько ещё таких безнадежных дел? И сколько людей, которые уходят, потому что некому им помочь?

Но было и другое. Иногда - редко, но было - он находил зацепку. Маленькую, почти незаметную, которая могла перевернуть дело. И тогда он садился за стол, доставал бумагу, писал жалобу, ходатайство, иск. И люди, уходившие от него с опущенными головами, возвращались с надеждой.

Так прошёл месяц.

Апрель в Грандалинке выдался холодным, даже злым. Снег растаял только к середине месяца, да и то не везде - в оврагах и под заборами он лежал до мая, грязный, чёрный, как старая вата. Дороги развезло так, что ни пройти ни проехать. Зарецкий ходил в сапогах до колен и каждый вечер оттирал их от грязи, ругаясь сквозь зубы.

Контора его стала узнаваемой. Не вывеской - вывески по-прежнему не было, - а тем, что у крыльца всегда стояли люди. Кто-то ждал очереди, кто-то просто так, поболтать, кто-то приносил Фоме - тот теперь почти постоянно торчал у Зарецкого, помогая с бумагами и разговорами. Крыльцо было старым, покосившимся, и под тяжестью людских ног оно ещё больше оседало в землю. Зарецкий обещал починить - всё руки не доходили.

И вот в один из таких апрельских дней, когда небо было серым, а воздух сырым и тяжёлым, у крыльца остановился экипаж.

Это был не простой экипаж. Не извозчичья пролётка, не крестьянские сани, переделанные на колёса, а настоящий, городской, с лакированными дверцами, кожаным верхом и кучером в форменной одежде. Такие экипажи в Грандалинке были только у самых богатых купцов и у чиновников не ниже пятого класса. Зарецкий, услышав цокот копыт и скрип колёс, выглянул в окно и нахмурился.

Из экипажа вышел мужчина.

Он был лет пятидесяти, коренастый, с окладистой седеющей бородой и умными, цепкими глазами. Одет - в дорогое драповое пальто, которое, несмотря на грязь, оставалось чистым. В руках - трость с серебряным набалдашником. Он осмотрелся - окинул взглядом грязную улицу, покосившиеся заборы, толпу у крыльца - и, поморщившись, направился к двери.

Фома, сидевший на скамейке, вскочил.

- Вы к кому, господин?

- К адвокату Зарецкому, - ответил мужчина. - Доложите. Купец Самсонов.

Фома юркнул в контору.

- Барин, там купец какой-то. Самсонов. На экипаже приехал. Богатый, видать.

- Зови, - сказал Зарецкий.

Он встал, одёрнул сюртук, убрал со стола бумаги. Встреча с богатым клиентом требовала порядка - не потому, что богатые важнее бедных, а потому, что они привыкли, чтобы к ним относились серьёзно. Если они увидят хаос, они не доверят дело.

Самсонов вошёл, снял пальто - Фома принял, повесил на вешалку, - и сел на стул напротив Зарецкого. Молча. Посмотрел на диплом на стене, на стопки бумаг, на Зарецкого. Зарецкий смотрел на него.

- Чем обязан, господин Самсонов? - спросил он после паузы.

Самсонов вздохнул - тяжело, как человек, который долго не решался на этот разговор и теперь собирается с духом.

- Дело у меня, господин адвокат. Тяжёлое. Безнадёжное, говорят. Но я всё равно хочу попытаться.

- Рассказывайте.

Самсонов полез во внутренний карман пальто - Фома уже повесил его, но купец жестом велел принести обратно. Достал пачку бумаг, перевязанных бечёвкой, развязал, разложил на столе.

- Лавка у меня на Базарной площади. Торгую мануфактурой - ситцем, сукном, нитками, пуговицами. Тридцать лет. Отец начинал, я продолжал. Место бойкое, проходное, покупатель идёт. И вот - пришло предписание: лавку снести.

- На каком основании? - спросил Зарецкий.

- Городская дума постановила построить на этом месте торговые ряды. Новые, каменные, с колоннами, - усмехнулся Самсонов. - Для блага города. А мою лавку - под снос. Компенсация - триста рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.